

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ВАЛЕНТИНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ ЯРСКОЙ

— *Считаете ли Вы себя социологом? Кто Вы — социолог, социальный ученый или интеллектуал?*

Пожалуй, называть себя ученым — слишком пышно и нескромно. Как себя помню, все время что-то изучаю и анализирую и *тут же передаю детям* — ученикам. Путь мой в социологию был непростым. Как у многих, отправная точка была философия, я занималась проблемами времени и научного предвидения в эволюции культуры, сам переход от социальных проблем в философии к социологии казался вполне логичным, хотя и слегка маргинальным. Только предельно формализованные институты могут всерьез быть уверенными в сильных отличиях социальной философии от социологии. Кто из крупных научных деятелей имел дело *исключительно с философией, социологией или политологией?* Скорее, мы должны иметь профессиональную склонность к проблемам, а не разграничиваться жестко по отдельным научным дисциплинам, как в традиционном учебном процессе. Ведь любая проблема — это сама жизнь, она имеет столько же граней, сторон и оттенков. Принцип Бора — дополнительность языков не только науки, но и культур.

По молодости мне нравились самые разные варианты моего развития, учебы и карьеры — театр, режиссерское искусство, джаз, физика, изучение Востока и китаеведение, затем философия, и мне объективно везло, у меня кое-что получалось. Позднее стали понятны две истины — *нельзя объять баобаба*, но и *нельзя замыкаться в скорлупе*. Постепенно я оказалась не только в постоянно интригующей сфере преподавательской деятельности, но и пришла к необходимости синтеза разных научных подходов и методологий, требующего постоянного совершенствования, широкого взгляда на содержание и методы исследования как сути университетского образования. Для меня происходила конверсия ресурсов образования в решение жизненных проблем.

— *Что привело Вас в социологию? Ваше ремесло — это ваше призвание или только профессия? Или это одно и то же?*

В определенное время в отечественной науке появились такие имена, авторитеты и приоритеты, которые невозможно было не заметить, они сразу же и достаточно сильно повлияли на мое более конкретное обращение к социальным наукам, причем уже не только в их теоретической части. Это были, естественно, ленинградские *конструкторы* социологии труда О. Шкаратан, В. Ядов, осуществившие переворот в социологической картине мира. Благодаря их масштабным исследованиям отечественная социология снова стала наукой. Важно, что появились работы Ю. Давыдова, Ю. Левады, В. Шляпентоха. Т. Заславская осуществила научное оформление уже витавших в околонуучной сфере идей о трансформации советского общества, его социальной структуры и экономики. Я почувствовала необходимость приблизиться к социологии, создать соответствующие центры, подобрать кадры, которые смогут овладеть новым инструментом анализа. Чуть позже уже полагала себя социологом, — маргинальность статуса меня не пугала, появилось убеждение, что это направление уводит меня от схоластического теоретизирования в русло активной социальной жизни.

Я солидарна с Вебером, что наука одновременно и профессия, и призвание. Без призвания нет инновации в профессии, это уже ремесло, грубый слепок с профессиональной, животрепещущей деятельности. Наверное, узкая специализация деятеля науки, так же, как предметоцентризм в обучении, — смерть для творческого понимания проблем.

— *Но что же все-таки побудило Вас заняться социологией, а не другим ремеслом?*

После личного знакомства с Татьяной Ивановной и посещения ВЦИОМа я открыла его саратовское отделение, сформировала Социологический центр СГТУ, возглавила участие наших социологов в союзных программах А. Овсянникова «Общественное мнение» (социология вуза) и В. Пуляева «Народы России», организовала Научный парк в подразделении Федеральной службы занятости. В Поволжском межрегиональном учебном центре под моим руководством более десяти лет назад создавались образовательные курсы, велись научные исследования (отделы социологических и психологических исследований, научно-методический отдел, кафедры социологии занятости, социальной работы, профессионального консультирования, педагогики и психологии), осуществлялась переподготовка персонала службы занятости, разрабатывались методики и технологии работы службы занятости. Там я работала проректором по науке, директором Научного парка. В то время создавалась федеральная система занятости, были заказы из Москвы — научно-исследовательские, методические. В недрах Научного парка подрастали новые специалисты, преодолевая в густом вареве открывшихся социальных проблем свою узкую специализацию по психологии, философии, истории.

Может быть, социальная ответственность уже подталкивала наш молодой научный коллектив к поиску живой связи проблемы занятости и образования, которая отсутствовала в те годы и кое-где не обнаруживается и поныне. Оказалось абсолютно необходимым понимание того, что самый глубокий теоретико-

методологический анализ должен сопровождаться разработкой прагматических технологий подготовки, реального соотношения персонала и клиента службы занятости. Мы становились авторами целого ряда методик по работе с персоналом, по организации переобучения безработных, по осмыслению занятости не только как экономического понятия, но и в более широком контексте — наполненного новым социальным содержанием. В этот Научный парк мы отобрали наиболее талантливых молодых людей из саратовских вузов.

— *Как сложился Ваш жизненный и профессиональный путь?*

Наш школьный латинист, бывший белоэмигрант из Китая, превосходно знал не только лагерь, но и живые европейские языки, а из восточных — китайский, и в нашу жизнь ворвался Восток. С золотой медалью я свободно сдала собеседование в Московский институт востоковедения на китайское отделение, представляла, что поеду в Китай, буду корреспондентом, дипломатом, переводчиком, разведчицей, эта романтика была тогда популярной. Институт через год расформировали, правда, через несколько лет руководители партии назвали это ошибкой, решили, что с Востоком связи необходимы, открылся институт Азии и Африки, но я к тому времени уже заканчивала физический факультет и увлекалась философией. По распределению преподавала в школе, затем в инженерном вузе, но вскоре поступила в философскую аспирантуру Саратовского госуниверситета на кафедру О.С. Зелькиной, руководителем диссертации стал Я.Ф. Аскин. В аспирантские и докторантские годы активно участвовала в симпозиумах, посещала философские семинары и школы, ездила в командировки в Грузию, Прибалтику, на Украину, в Ленинградский, Московский, Свердловский и Тартусский университеты, Институт философии. А в Саратове ждали моих впечатлений и результатов друзья, коллеги и многочисленные *дети* — ученики, студенты и аспиранты.

— *Кто были Ваши кумиры и учителя?*

Везде были свои *тусовки*, научные направления, впечатляло общение с блестящими собеседниками, учеными, некоторые из них оказали на меня огромное влияние, многие навсегда остались моими друзьями. Это были: В. Бранский, П. Гайденко, Э. Гирусов, Ю. Давыдов, Э. Ильенков, М. Каган, А. Кармин, Н. Лапин, В. Лекторский, И. Лисеев, Е. Мамчур, Л. Микешина, И. Мочалов, В. Швырёв, Ю. Сачков, Н. Трубников. Критикуя позитивизм, советская философия сама была его определенной версией, и это спасало ученых от *ограниченного и политизированного варианта философствования*. Кафедра философии СГУ, например, издавала регулярные сборники по методологическим проблемам познания. С другой стороны, позитивистская установка в таком варианте иногда граничила с физикализмом. Так, академические авторитеты в проблеме времени тогда полагали, что понятие времени — это всего лишь параметр физики, некоторые ученые высказывались, что инверсия времени — простой математический формализм, описания в формах гамильтониана и лагранжиана.

— *Чем были вызваны Ваш выбор и Ваши приоритеты в профессиональной научной и педагогической работе, Ваше увлечение наукой?*

Меня всегда волновали проблемы связи науки и образования, жизненного пути

и времени культуры, с этим связано пространство проблем, которыми я занимаюсь профессионально. С аспирантской скамьи люблю преподавательскую работу. Новый жизненный проект участия в социологии как науке и подготовке социологических кадров сыграл роль новой интеллектуальной идеи, которую хотелось немедленно осуществить и распространить. Диссертации моих учеников и коллег демонстрируют плюрализм в понимании, интерпретации социальной жизни.

— По публикациям и публичной активности вы известны в России и за ее пределами. Какие из Ваших научных идей и работ особенно важны для Вас?

Первая моя диссертация — *Философское значение понятия инверсии времени в физике*, я знакомилась с интерпретациями лучших физиков-теоретиков: А.Д. Степухович, Р. Фейман, естественно, А. Эйнштейн и копенгагенцы — Бор, Гейзенберг, Шрейдингер, *виновные* в революции физики в начале XX столетия. В аспирантуре я интенсивно работала, читала много физических текстов, прежде чем перейти к их философскому осмыслению. Стало ясно, что многие науки основаны на инверсии времени, гносеологическом механизме, зависимом от культуры — это был для меня период *перехода от физики к философии*. Гораздо позднее мне удалось познакомиться с деятельностью Международного общества изучения времени, в частности, с работой Дж. Фрэзера *Время как конфликт*.

В какой-то момент я поняла, что необходимо взаимодействие философии и физики; я перешла из философии физики в гносеологию, затем — социальную философию, и категория времени предстала в пестрой полифонии социального, культурного контекста, с чем не соглашались *советские титаны философской мысли*. У меня появилось интересное пересечение проблем — времени и прогнозирования, в этом была новизна, категория времени обогащалась прогностическим контекстом, само понятие предвидения в новой методологической концепции получало темпоральную типологию. Тема максимально деидеологизировалась, были изданы мои монографии, вышли статьи в журналах *Вопросы философии*, *Философские науки*.

Следующий шаг — от культурной эволюции категории к социальному проекту времени и пространства. Проявлялась зависимость подобного антропологического конструкта от хабитуса, институтов, инструментария, политических режимов. Докторскую диссертацию я защитила в Институте философии в Москве. Дискуссия по диссертации зеркально представила все варианты физикализма, позитивизма и социальной интерпретации категории времени в отечественной философии. Ученый секретарь Института, бывший моряк, сказал мне тогда: «А что, у вас в Саратове, в Сибири, разве нет докторского совета?». Я подарила ему монографию «Научное предвидение и время», с надписью: «От автора из Саратова — на Волге».

— Вы работаете и живете в Саратове. С какого времени Вы трудитесь здесь, и что означает для Вас эта работа?

Философские кадры у нас формировались из разных наук, путем обучения в философской аспирантуре, — во многих университетах не было философских факультетов. Не так давно мы имели примерно то же самое в социологии — социологические факультеты стали функционировать позже, в социологию шли

представители других наук. После защиты докторской в 1983 г. я работала профессором на кафедре философии СГУ, а в 1985 меня пригласили в Политехнический институт заведовать кафедрой. Я хотела свежего ветра, ректорат здесь оказался либеральным ориентированным, мыслил намного *гуманитарнее*, не жели руководители так называемого классического университета. Я получила карт-бланш, ввела до официального введения гуманитаризации образования пять дисциплин на всех факультетах и специальностях — историю философии, психологию личности, теорию и историю культуры, этику, эстетику, привлекла одаренные молодые кадры. От кафедры философии отпочковались новые кафедры — психологии и акмеологии, культурологии, менеджмента туристического бизнеса, социальной антропологии и социальной работы. В связи с открытием новых *западных* специальностей и участием сразу в нескольких международных программах политехнический институт стал техническим университетом, наши преподаватели прошли стажировки в университетах США и Европы.

— *Что является для Вас приоритетной областью деятельности: преподавательская, исследовательская, организационная или общественная деятельность?*

Я не поддерживаю миф о том, что в вузе должны быть отдельно исследователи, ученые, а, с другой стороны, исключительно методисты, преподаватели, которые не занимаются наукой. Как компонент образования мира университет отражает его в своей структуре, выступает фокусированным имиджем, воплощением этоса науки, обобщенным педагогом-исследователем, владеет виртуальными технологиями и программными средствами, конструирует собственное окружение. Важно *совмещение* научного и педагогического труда в лице вузовского преподавателя: научные достижения по короткой траектории становятся достоянием индивида и ценностями общества. Поэтому *ошибочно разделение целей* исследователя и практического педагога, преподавать надо *науку*, если мы хотим получить на выходе конкурентоспособного, а не отсталого специалиста, которому читали курсы по *пожелтевшим листочкам*. Результат методологической несостоятельности преподавателя бездарно трансформируется в плохие оценки, педагогические дискуссии не рассматривают науку как центральную для академической работы, а практику обучения — как работу, обогащающую научное сообщество.

Я сформировала докторский диссертационный совет по социологии более 10 лет тому назад. Теперь общая академическая картина изменилась, в саратовских вузах появилось большое число докторов философии и социологии, активно заработали философский и социологический факультеты СГУ, докторские советы. Как советник губернатора имею поручения: член Комиссии по вопросам помилования, член коллегии министерства образования и науки, член Коллегии министерства здравоохранения и социального развития — это три большие задания. Бывают и разовые поручения — подготовить проблемный материал. Кроме того, я постоянный член Аттестационной комиссии университета, член Ученого совета Поволжского межрегионального учебного центра Федеральной службы занятости. Работаю, кроме родной кафедры, профессором в Поволжской академии государственной службы, в Институте бизнеса и делового

администрирования СГТУ, являюсь экспертом НФПК. Все эти разнообразные поручения и виды деятельности мне интересны.

— *Престиж и влияние социологии и социологов заметно падают. На смену им приходят экономисты, психологи, антропологи. Согласны ли Вы с такой оценкой? Если да, то в чем причины подобного снижения авторитета социологии? Характерна ли такая ситуация в социологии в разных странах?*

Если этот престиж и падает, то не успеv подnяться. К психологам уже привыкли, они вошли в школы, клиники, то же самое можно сказать и об экономистах. С самого начала, когда открывали социальные специальности — социология, социальная работа, социальная антропология — никто не продумал вопрос о том, где и как эти выпускники должны трудиться. Рынок напрямую не востребует эти специальности, нет должного соответствия образования и занятости. Думаю, не авторитет социологии снижается, а продолжается ведомственная разобщенность, и в этом корень зла. Частично виноваты и стандарты — слабо прописаны функции новых специальностей. Кроме того, больше фантазии надо применить к реестру и рекламе специализаций, необходимо маркетинговое сопровождение выпускаемых специальностей.

С конца 1960-х до конца 1980-х гг. ситуация была *маргинальной*: социология была реанимирована как наука, а социологического образования просто не существовало, социологи рекрутировались из математиков, философов, технарей, экономистов. Некоторые из них окончили Высшие социологические курсы на базе ВКШ, другие отзанимались в западных университетах, так, по крайней мере, шло формирование моей кафедры. В середине 1980-х обстановка была какой-то застывшей, в классических университетах действовали уже застарелые программы по известному набору общественных наук. Даже чуть-чуть отклонявшиеся от устоявшихся понятий статьи не принимались, и я приняла решение оставить философию в классическом университете, перешла в технический вуз — и не пожалела.

— *Что, на Ваш взгляд, меняется в мировом социологическом сообществе? Как оно реагирует на подобное положение вещей в своей профессиональной среде и в публичном пространстве?*

Мировое сообщество ощущает себя в деятельности профессиональных ассоциаций, которые связаны с разработкой этических кодексов и обсуждением новых интеллектуальных направлений, созданием издательских проектов, обсуждением возможностей занятости, в то время как отечественные ассоциации и сообщества пока делят территорию своего влияния на профессионалов. Интересно изменение отношения к провинции. Все чаще соглашаются с тем, что провинциализм — культурное, а не географическое понятие, оно означает агрессивную самодостаточность, закрытость, изоляционизм, нежелание открытой дискуссии, уход в *российское своеобразие*, иногда представляющее антизападнические настроения, антиамериканизм. Нелюбовь к конкретному анализу порой сочетается с игнорированием независимости научной экспертизы, потоком эмоций, отсутствием диалога.

— *Может быть, причина этого в том, что уровень современного социологического образования не соответствует общественным запросам?*

На этот вопрос легко ответить, используя мой многолетний опыт работы в экспертном комитете по социологии НФПК. Анализ ошибок в заявках показал, что во многих вузах отсутствуют навыки разработки научных проектов и конструирования образовательных программ, методология социологической подготовки, демократизация учебного процесса, привлечение персонала к участию в проекте, трансформация международного опыта, партнерских связей. Лицо социологов вуза не выражено оригинальными социологическими текстами и центральными публикациями, заявители не знают, кто из отечественных ученых работает в данном направлении. Встречается противопоставление учебно-методических и научных инноваций, не редко умножение серых учебников и лекционных курсов, непонимание многоуровневой подготовки. Переименованные кафедры медленно осваивают мировой опыт, вместо горизонтальных партнерских связей выстраивается традиционная вертикаль подотчетных вузов УМО. Некоторые заявители не могли представить электронную версию курса, хотя наличие новейших компьютеров стало символом престижного потребления, высокого академического и делового статуса. Кое-где компьютеры используются как пишущие машинки, не закольцованные в локальные сети, без выхода в Интернет. Одновременно встречается неумение артикулировать пробелы, которые надо преодолеть в обновлении курсов, без чего заявитель оказывается за рамками мирового уровня. Кроме того, как мне представляется, общественный запрос на образованных социологов в нашей стране еще не сформирован.

— *Быть может, социологи слишком заняты вопросами личного и корпоративного благополучия и гораздо меньше посвящают себя подлинному служению науке?*

Я не знаю, какими такими вопросами личного благополучия, которые затмили бы их научные интересы, заняты социологи, среди моих знакомых таких нет. Другое дело, частенько встречается некая успокоенность приобретенным статусом, достигнутым уровнем, которая сказывается на качестве подготовки кадров.

— *Существуют ли различия между этнологией, этнической социологией и социальной антропологией? Если да, то в чем они выражаются и есть ли смысл в их раздельном развитии в современной науке?*

Этнология, по моему мнению, — это совокупность различных наук, изучающих этносы, их развитие и взаимодействие. Это собирательное понятие, объединяющее этносоциологию, этнопсихологию, этнографию, возможны и другие дисциплины, изучающие жизнь народов. Во французской традиции этнология — это аналог социальной антропологии в Британии, это изучение не только жизни удаленных «туземных» народов, но и повседневных практик различных групп и организаций современного общества. Этносоциология — это социологические исследования этнической специфики. Наконец, социальная антропология имеет множество определений как наука, которая занимается различием и взаимодействием культур, социальных групп и организаций. Проекты, выполненные под руководством Арутюняна, Дробижевой, Сусоколова, Тишкова достаточно

хорошо известны, и не только в академических кругах. Сегодня развиваются молодые проекты, в том числе в региональных центрах, создается среда развития социологии и социальной антропологии, обновления содержания образования. Вполне естественно принять, что эти науки развивают и дополняют друг друга, хотя и не тождественны, не синонимичны в своих понятиях.

— Как бы Вы охарактеризовали исследовательскую ситуацию в социологии и социальной антропологии в России?

Известны всего несколько исследовательских социологических центров в России — это СПбГУ, ИСРАН, ИСПИРАН, ГУВШЭ, ИАРАН, независимые социологические центры в Санкт-Петербурге и некоторых регионах. Кроме собственно образования в сфере социологии, исследовательские программы объективно способствуют социальным изменениям — в силу того, что участвуют в образовании новой реальности: что мы даем в процессе обучения, то и конструируем в обществе. На мой взгляд, исследовательская ситуация может характеризоваться и как достаточно разобщенная: представители разных школ не всегда знают друг друга. Поэтому, кроме огромных симпозиумов с бесчисленным количеством секций полезны были бы камерные конференции и семинары, собирающие специалистов по достаточно выраженному направлению, например, в социально-антропологических исследованиях.

— Существуют ли в России самостоятельные научные школы в социологии и социальной антропологии? Если да, то что они собой представляют?

Такие школы, безусловно, есть, например, СПбГУ, МГУ, ГУВШЭ, ИСРАН, ИСПИРАН, в Поволжье, Сибири, на Урале. Наиболее мощные исследовательские социологические центры сосредоточены сейчас, естественно, в академических институтах и ГУВШЭ. Наиболее отчетливо выражена и мне ближе других социальная антропология СПбГУ и СГТУ. Ярче всего эти школы представлены в издаваемых журналах, крупных монографиях и учебных комплексах по итогам исследовательских проектов. Несмотря на географическую отдаленность, социологи многих региональных университетов демонстрируют профессионализм, включенность в мировое сообщество, ратуют за систему горизонтальных связей. Региональные центры без помощи центра находят зарубежных партнеров, обмениваются студентами, преподавателями, программами, ищут источники финансирования. Итог — внедрение курсов, соответствующих мировым образовательным стандартам. Однако опыт российских социологических исследований должен становиться еще более доступным. Социология уже получает обновленное содержание, так как всюду, где ранее имелись переименованные кафедры, она была лишь стыдливым названием научного коммунизма.

— Насколько изменилась ситуация в российской социологии в конце 1990-х гг.?

Вроде бы социология в России испытывает ощутимый подъем: кроме разнообразных специализированных кафедр и советов по защитах диссертаций открылись социологические факультеты во многих региональных университетах, но выпускники ищут работу часто на стороне, ситуация напоминает мне выпускники

специалистов и магистров социальной работы. Устраиваются неплохо, но не всегда по прямому назначению. Лучше всего устраиваются в системе рекламы и маркетинге, в рыночных управленческих структурах, уходят в бизнес. Идут в аспирантуру, остаются преподавать совсем немногие, не очень-то престижна зарплата в вузе. Социологам нужна свобода научных суждений, но пока мало тем по критике неравенства, отчуждения, произвола, бюрократии, социальной аномии, нарушению прав человека, вездесущему расизму. Если же берутся за острые вопросы, то никому не гарантирует, что не найдется доброхот, желающий подвергнуть нежелательную тематику цензуре, диктату, остракизму.

— *Как Вы оцениваете уровень современного социологического и антропологического образования за рубежом и в России?*

Социология, как и вся академическая наука в целом, переживает дефицит материальных и символических ресурсов, а социальная антропология — очень привлекательная и перспективная специальность — оказалась без какой бы то ни было поддержки на уровне занятости, а теперь еще и стала предметом раздора между социологами и этнографами. Несмотря на это, социальная антропология и социология сегодня бурно развиваются в целом ряде российских университетов в условиях быстрого накопления интеллектуальных ресурсов, переводов зарубежной классики и современных изданий, обновления преподавательских кадров, интенсивной коммуникации с зарубежными коллегами, смены исследовательских приоритетов, ключевых направлений и тематизаций.

Проблема стандартизации социологического знания не может быть проблемой чисто государственного регулирования либо профессиональных конвенций. Сейчас предпринята попытка создания стандарта профессионального социологического образования как ядра профессии, принятого профессиональными экспертами, эта позиция отмечена в итоговом докладе руководства экспертного комитета НФПК. Два Федеральных центра повышения квалификации преподавателей социологии, созданные в Москве (РУДН и ИС РАН) и Санкт-Петербурге (СПбГУ), получили материальную базу, проводят сессии с привлечением российских и зарубежных специалистов и смогут стать эффективными с помощью работы консорциумов, специалистов вузов, академических институтов.

— *Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы 1960–80-х гг. в Советском Союзе?*

Всеми признаваемая хрущевская оттепель сменилась эпохой стагнации. Атмосфера была неважная, даже затхлая, не было в регионах ни колбасы, ни мяса, ни масла, ни сыра. В командировки ездили со списком от коллег, кому что привезти, шутили: *Пока продукты не будут перевозить в товарных вагонах, их надо везти в пассажирских*. Но в то же время исчез страх репрессий, был дешевый бензин, можно было легко улететь на самолете или уехать на поезде в любую точку Союза. Люди могли проводить досуг на Волге, катались на водных лыжах, мы с друзьями совершили путешествие, спустившись тремя *Прогрессами* от Саратова до Астрахани. Сейчас это было бы просто невозможно осуществить — из-за дороговизны, из-за криминальной обстановки на волжских берегах и островах. Именно в конце 1980-х стал заметным разрыв

между экономическим объяснением хозяйственных реформ и отсутствием новых теоретических представлений о социальной реальности, нужна была свежая научная рефлексия нового социального контекста, культурной эволюции советского общества, отхода от репрессивного режима.

— Что это был за период для Вас лично? Насколько значим этот период в вашей профессиональной деятельности?

Это был прогрессивный период, в конце 1980-х началась политика гласности, перестройка, прошел первый съезд советских социологов, стали открыто говорить о национальных конфликтах, социология была активизирована. В Советской социологической ассоциации задавали тон Заславская, Шкаратан, Ядов. Я по мере своих возможностей пыталась обратиться к социологии через те программы, которые осваивались в Саратове в системе занятости, ВЦИОМ, союзных исследовательских программах. Потенциальные возможности российских регионов намного превысили уровень их реализации, проблема региональной социологии в большей степени определялась политическими режимами, а не включенностью в российское или международное поле профессиональных коммуникаций.

— Каково Ваше отношение к периоду перестройки и времени реформ 1990-х гг.?

Реализация перестройки была глобально устремлена к демократии, но не знала конкретных технологий этого перехода, этакратизм оказался живучим на российской почве. Достоинно поддержки принятое сверху решение о необходимости реформ, но слаба профессиональная подготовка их реализации, много ошибок из-за некомпетентности и стремления все решить одним махом в старом советском представлении чиновничьей иерархии. Если власти все же демонстрируют демократичность и социологические исследования служат для коррекции политики, то социолог чувствует себя комфортно, социологический анализ становится важной частью любых государственных и бизнес-программ, принятия решений.

— Ваше теоретическое кредо?

Считаю, что социальное пространство и социальное время — это категории, которые становятся методологическими принципами в изучении любых проблем, в том числе неравенства и дискриминации, социального развития, социальной интеграции и социальной инклюзии. В эпоху открытых границ и совместных проектов часто возникает желание сопоставить отечественную и зарубежную перспективу социальных пространств. Однако опасно уходить от глобализации в полную патриотическую изоляцию. Не сбросив расистские стереотипы и установки, нация не сможет стать монолитом перед лицом террора. С моей точки зрения, в социологии всегда имеет значение не только стратегический вывод, но и описательный дискурс.

— Какие этнологические, антропологические и социологические проблемы и темы привлекают Ваше внимание в начале XXI столетия?

Можно говорить об антропологии насилия, его культурно-исторических и социальных корнях, о фундаментализме и экстремизме в самых различных дис-

курсах. Например, расизм во всех его проявлениях (это и технократический расизм — когда мы не уважаем гуманитарные проблемы). Вообще он происходит из позитивистского физикализма. Например, физики считают, что только физики важны, или некие белые считают, что только белая раса важна, тогда и возникают исключение и фундаментализм. Или говорят, что православная конфессия — главная и единственно верная, в образование надо ввести основы православия. А что делать ученикам, студентам из неправославных семей? В общем, меня все это волнует. И дело не только в конфессиональной нетерпимости. Нетерпимость мы знаем всякую: начиная от гендерной и кончая всем, где мы видим какой-то экстремум, экстремизм, а он существует в любой области деятельности. Пока не исчезнет ксенофобия, не будет спокойствия, нормальной жизни, потому что мы постоянно ищем врага. Общая логика социологического дискурса должна опираться на единый концептуальный язык инклюзии, а не эксклюзии.

— *Что мешает и что помогает Вам в научной работе?*

Региональные университетские кафедры выступают пропагандистами инновационного образования для социальной сферы, разрабатывая пакет предложений по переподготовке и обучению работников социальных служб в разнообразных формах: от магистратуры, второго высшего образования до краткосрочных курсов, периодических обучающих семинаров, в том числе ориентированных на обслуживание села.

Что мешает? В любом вузе есть такие недавно защитившиеся доктора, которые, сами становясь научными руководителями, успокаиваются, довольные приобретенным статусом, не считают своей обязанностью следить за литературой, научными дискуссиями, участвовать в исследованиях, для них защита докторской — это финиш. Они обрастают пачками аспирантов, которых им подбрасывают поствузовские чиновники, для которых формальный признак права научного руководства необходим и достаточен. Мешает некомпетентность, безответственность, на совет порой оказывается давление со стороны, научными руководителями. Некоторые считают, что важно как можно больше выпустить аспирантов и необязательно подвергать тщательной проверке диссертации, всеми правдами и неправдами стараются пройти экспертный совет, а если там идет серьезная экспертиза, то считают, что это придирки. Была и попытка цензуры, давления от имени епархии, так как гендерная тематика *греховна*.

Остается архаичной организация присуждения ученых степеней. Сравним с западной комиссией из трех специалистов: за месяц до этого, получив диссертацию, комиссия вызывает соискателя и оглашает вердикт и замечания, которые будут внесены перед публикацией. Наши же эксперты ВАК — мастера на все руки, состав экспертных советов практически московский. Громоздкая структура советов, ВАК, система и механизмы защит *предельно архаичны, их надо упразднить*.

— *Ваши хобби?*

Шахматы — были всю жизнь семейной игрой, с папой, друзьями и подругами, с мужем. С детства любила музыку, *фольклор*, а в школе увлеклась *джазом* в разных проявлениях, меня покорили джазовые импровизации, в студенческие

годы пела в джазе. Одно время увлеклась *языковыми интенсивами*, прошла три интенсива по европейским языкам. Есть любимые художники, альбомы и книги. Босх — вся символика и философия средневековья, любимый пейзажист — *Сильвестр Шедрин*, который мало представлен на родине. В последнее время мое *некриминальное чтение* — В. Войнович, Х. Мураками, Ю. Мисимо, В. Набоков, Д. Чхарташвили — Б. Акунин, У. Эко, — без них нельзя. Читаю Урсулу Ле Гуин, Л. Петрушевскую, М. Улицкую. И еще нельзя не сказать о таком хобби — у меня всегда жили собаки, и сейчас есть лохматый и удивительно *добрый пес Джейк*, старая английская овчарка, или бобтэйл.

— *Ваши научные планы и намерения?*

Издать коллективную монографию по социологии насилия, осуществить проект издания лучших магистерских диссертаций, выпустить книги по социальному проекту времени и социологии образования, национализму в контексте безопасности. И с этими проблемами связано широкое социологическое полотно. Социология занимается неравенством, а, значит, и насилием, и экстремизмом. Социологический анализ должен становиться важной частью любых государственных и бизнес-программ, принятия решений. Имея универсальный характер, социальное насилие конкретизируется в открытых и закамуфлированных формах, которые, не совпадая с террором, кажутся безобидными, но в итоге включены в постоянный атрибут исторического процесса, даже в его мирном контексте. Поиск первопричин насилия уходит в социальные структуры и экономическое неравенство, противоречивые связи, отношения. Формированию насилия способствуют неудачи стратегий государственной социальной политики, в эволюции культур закрепляется и передается коммуникативный образ насилия, сохраняясь в самом дискурсе.

Интервью провел В.В. Козловский

Валентина Николаевна Ярская-Смирнова — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член негосударственных международных и российских академий: МАН ВШ, МАИ, РАГН, МААН и др.

Родилась в Свердловске в 1935 г., закончила физический факультет СГПИ, работала преподавателем и ассистентом физики в школе и вузе. Аспирантура и докторантура по философии Саратовского госуниверситета, затем защиты, стажировки, курсы повышения квалификации по социальной работе, философии, социологии: Минск, Москва, Киев, Тбилиси, университеты Великобритании, Ирландии, США, Швеции. С 1968 г. преподаватель Саратовского государственного университета, с 1985 г. — Саратовского государственного технического университета, руководила исследовательскими программами Социологического центра СГТУ, Поволжского межрегионального учебного центра (ПМУЦ) Федеральной службы занятости. Заведовала в СГТУ кафедрой философии, позже — социальной работы, работала проректором по НИР и директором Научного парка ПМУЦ, организовала Саратовское отделение ВЦИОМ, руководила

программами Общественное мнение и Народы России в СГТУ. Организатор научно-педагогической школы по социальным направлениям, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы СГТУ, профессор Поволжской академии госслужбы. Член коллегии Минобразования и науки, коллегии Минздрава и социального развития Саратовской области, консультант Федеральной службы занятости по научно-методическим программам, член комиссии по вопросам помилования и советник губернатора по социальной сфере, председатель докторского диссертационного совета по социологии.

В.Н. Ярская-Смирнова — автор более 200 публикаций, 6 монографий, 16 учебных пособий. Область научных интересов: социология образования, методология и теория социальной работы, социальное время и социальное пространство, этносоциология, социальная политика, политика занятости, социология молодежи, методология научного познания. Подготовлено более 40 кандидатов и докторов наук.

Основные исследовательские проекты:

1995-97 Сравнительное исследование методологии и технологий социальной работы с детьми ограниченных возможностей в России и США. IREX — содиректор программы.

1998-2003 Социальная интеграция молодежи в сферу трудовой деятельности. Социальное партнерство в системе занятости. ФСЗ РФ, ПМУЦ — руководитель проекта.

2001-04 Пути реализации социальной политики на муниципальном уровне. Формирование социальной политики как социетальной системы. Администрация МО, СГТУ — руководитель проекта.

2002-04 Пространство и время социальных изменений. НФПК, СГТУ — руководитель проекта.

2002-04 Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями. Доступность образования. ПАГС, СГТУ, ЦСПГИ — соруководитель проекта.

2003-05 Социальное конструирование старости в современном обществе. Минздрав и социального развития, СГТУ — соруководитель проекта.

2004-06 Социальная антропология насилия, социальный контекст современного терроризма. ЦСПГИ, СГТУ — руководитель проекта.

Основные публикации:

Демографическая политика в сетевом обществе // Актуальные проблемы демографической политики. Саратов: Научная книга, 2004.

Глобализация социального пространства // Доклады 11 Всероссийского социологического конгресса. Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. Т. 2. М.: Альфа-М, 2003.

Экспертиза как социальное обследование // Гендерная экспертиза социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне. Саратов: Научная книга, 2003.

Социальная политика в контексте глобализации // Статьи российских социологов для участников русского форума на XV Всемирном конгрессе социологов в Брисбейне, Австралия, 7–13 июля 2002 г. М.: РИЦ ИСПИРАН, 2002.

Social Revolution // Community Care, UK. Issue 1409. 14–20. 2002.

Социология образования. Учебное пособие. Коллектив авторов. Руководитель проекта. Саратов: СГТУ, 2005. 312 с.

Экзистенциальные смыслы и гражданские перспективы социального образования // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 3. С. 347–362.

Пространство и время социальных изменений. Курс лекций. М. – Саратов: НФПК – Научная книга, 2004. 18 п. л. Коллектив авторов. Руководитель проекта.

Нация vs насилие // Стратегия развития России и стран Восточной Европы в условиях трансформации социально-экономических систем. Саратов: ГОУ ВПО ПАГС, 2004. С. 39–55.

Пространство и время в социологии и социальной философии // Философия, человек, цивилизация: новые горизонты XXI века. Материалы третьих аскинских чтений. Часть 2. Саратов: Научная книга, 2004. С. 98–104.

Социология молодежи в контексте социальной работы. Учебное пособие. Саратов: СГТУ, 2004. 300 с. Коллектив авторов. Руководитель проекта.

Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. Январь. С. 11–28.

Конструирование этнического неравенства и перспективы толерантности // Великий Волжский путь. Развитие культурных и этноконфессиональных контактов. Материалы международной конференции Института истории АН РТ. Казань, 2002.

Between the Global and the Local: Decentralization of Social Policy in Transitional Russia book // Global, National, Local. Conference abstracts. Queen's University Belfast, 2001.

Интеграция образования и занятости // Человеческие ресурсы. 2001. № 3.

Методология диссертационного исследования / Монография в двух частях. Саратов: ПМУЦ, 2001. 16 п. л.

Профессиональные субкультуры образования // Социология и общество: новые реалии и новые идеи. Материалы 1-го Всероссийского социологического конгресса. СПб.: Скифия, 2000.

Социальная работа: методология, теория, технологии. Учебное пособие в 2-х ч. Саратов: Изд-во ПМУЦ, 1998. 20 п. л. Коллектив авторов. Руководитель проекта.

Антропология социальной политики // Человеческие ресурсы. 1998. № 2.

Семья. Дети. Общество. Анализ отношений и образовательных программ / Колл. моногр. Отв. ред. Саратов: СГТУ, 1994.

Время в эволюции культуры. Саратов: СГУ, 1989. 15 п. л.

Время, культура, цивилизация // Философия и культура. Материалы XVII философского конгресса. М., 1983.

Развитие понятия времени // Вопросы философии. 1981. № 3.

Научное предвидение. Саратов: СГУ, 1980. 18 п. л.

Время и пространство. Саратов: СГУ, 1969. 6 п. л.